

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?

«Любите ли вы театр, так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением?.. Возможно ли описать... всю его магическую силу над душой человеческой?»

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

...Вчера я опять была в Малом. Смотрела «Старика» с Элиной Быстрицкой в главной роли. Какой интересный, какой многогранный образ создает актриса! Какие живые краски находит она для своих героинь, как умеет вживаться в образ, подмечать характерные черты и черточки своих персонажей, взятых из самой гущи жизни. Уходишь из театра окрыленная, с желанием быть лучше, чище, внутренне красивее, и этого «заряда» хватает надолго. И каждый раз думаешь: как много дает нам театр! Хотелось бы только знать: а мы, зрители, любящие театр и поклоняющиеся ему, даем ли мы что-нибудь актеру?

Евгения СОЛОМИНА, инженер.

Мы пригласили в «Собеседник» народную артистку РСФСР Элину Быстрицкую и попросили ее ответить на этот вопрос.

— Ежедневно старые стены Малого театра словно молодеют — их заполняют зрители, почитатели театра. Я люблю наблюдать, как они рассаживаются по местам, вливаясь в зал сначала только маленькими ручейками, которые постепенно становятся все шире, все полноводнее, сливаясь друг с другом и образуя одно сплошное море — беспокойное, волнующееся. Потом это людское море успокаивается, стихает и наступает полный штиль — штиль перед поднятием занавеса. И вот, наконец, долгожданная минута: мы оста-

емся один на один — актеры и зрители...

«Любите ли вы театр?» — спрашивал в свое время Белинский. Да, мы любим театр так, как он нам завещал — «со всем энтузиазмом, со всем исступлением». Любим, конечно, по-разному. Но именно эта любовь объединяет нас — актера и зрителя.

Разумеется, я говорю здесь об определенной категории зрителей. Ведь зритель зрителью рознь. Есть просто любопытные — слышали о спектакле, что-то их заинтересовало, решили посмотреть сами. Потом они опять много месяцев не вспоминают о театре, будут довольствоваться телевизором. Есть скептики, убежденные, что театр «отмирает», и пришедшие взглянуть на его «аго-

У нас в гостях — народная артистка РСФСР Элина БЫСТРИЦКАЯ

нию». Есть, наконец, случайные зрители, берущие билет в любой театр, на любой спектакль, чтобы «убить» в театре вечер. Я не о них. Я о тех зрителях, в которых черпаем мы, актеры, силу и с которыми нас роднит любовь к театру.

Однажды ко мне за кулисы пришли после спектакля несколько женщин-работниц. Познакомилась. Поговорили об искусстве и о разных разностях. Прощаясь, я пригласила их на другой спектакль. Они опять пришли. Скоро я получила ответное приглашение — на Московский завод торгового машиностроения. Так завязалась наша дружба. У нас хорошие человеческие отношения, взаимная симпатия людей, объединенных общностью

интересов. И это общее — наша любовь к театру.

Пятнадцать женщин из одной бригады. Разных — молодых и пожилых, только-только вступающих в жизнь и повидавших на своем веку столько, что не на одну — на три жизни с избытком хватит. Теперь я знаю о них многое — знаю, скажем, что у одной неудачно сложилась личная жизнь, а у другой — единственный сын, в котором она души не чает; что вот эта невозмутимая на первый взгляд женщина никогда не пройдет мимо каких-то неполадок в жизни, а та, другая, — с виду насмешница и хохотушка — самая сердечная из всех: случись у кого беда — она первая протянет руку. Мы часто встречаемся, много говорим, иногда спорим

о нашей жизни, правде искусства, о ее действенной силе. И не передать словами, как много дает мне это общение! Мои новые подруги приняли меня в свою бригаду, сделали членом своего коллектива, и я очень горжусь этим. Но еще больше радуюсь я тому, что могу вот так непосредственно общаться с моими зрителями.

О таком «зрителе с страстием» может мечтать каждый актер. Они пересмотрели все спектакли Малого театра. Нет, они не делают мне комплиментов, не льстят, а придирчиво обсуждают все детали образа, подмечая то, что подчас трудно заметить мне самой. А как интересно, как живо и образно рассказывают эти женщины о своей жизни, о своем труде! Иногда я ловлю себя на том, что люблюсь ими. Иногда думаю: вот этой интонации, этого жеста не хватало для моей новой роли, чтобы сделать ее жизненно достоверной. Это для меня — своеобразный университет. И нет высшей награды за мой труд, чем доброжелательная, строгая и сдержанная оценка этих людей.

Каждое утро ко мне приходит почтальон. Я перебираю письма. Среди них — серьезные,

деловые, трогательные, наивные. Одни благодарят, интересуются моими творческими планами, другие хотят знать, как стать актрисой, что для этого нужно, третьи просят совета по самым различным бытовым, моральным вопросам.

Наверное, без этих писем часто даже знакомых мне людей моя жизнь была бы беднее. Потому что, читая их, я убеждаюсь, что мое искусство нужно людям, что оно помогает им хоть в чем-то — пусть в самом малом — на сложном и многотрудном жизненном пути.

Выходит, что нам — актеру и зрителю — друг без друга не обойтись, что если не будет полной гармонии сцены и зала, то не будет радости ни актеру, ни зрителю.

Вот мой ответ инженеру Евгению Соломиной. И когда я выйду на сцену, преобразившись в Глафиру («Волки и овцы») или Лидию Чебоксарову («Бешеные деньги»), в Юлию Филипповну («Дачники») или герцогиню Мальборо («Стакан воды»), я буду играть и для нее. Потому что хотя мы не знакомы, но обе получили в наследство от Белинского неистребимую, возвышающую любовь к театру.